НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Н.Р.Куранбаева[1]

1. Магистрант 2-го курса, Азиатского Международного Университета Научный руководитель: Муродова Дилдора Арабовна, преподаватель кафедры узбекской и русской филологии Азиатского Международного Университета, Хорезмской области

Mas'ul muallif: Куранбаева Нилуфар Рустамовна, Магистрант 2-го курса, Азиатского Международного Университета Научный руководитель: Муродова Дилдора Арабовна, преподаватель кафедры узбекской и русской филологии Азиатского Международного Университета, Хорезмской области.

e-mail: ninakross863@gmail.com

Received: 07 Noyabr 2026
Accepted: 12 Noyabr 2026
Published: 17 Noyabr 2026

Copyright: © 2026 by the author(s). Licensee Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi.

Iqtibos uchun: Куранбаева, Н. Р. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА / Н. Р. Куранбаева // Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi. — 2026. — Т. 11, № 2. — В. 22–25.

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие романтического героя в русской и западноевропейской литературе XIX века на материале произведений Дж. Г. Байрона и М. Ю. Лермонтова. Байроновский герой трактуется как классический образ европейского романтического индивидуализма, для которого характерны изгнанничество, тайна прошлого, чувство вины и метафизический бунт. Обращение к роману «Герой нашего времени» и поэмам «Демон» и «Мцыри» позволяет проследить, как Лермонтов осваивает и изменяет байроновскую традицию в условиях николаевской эпохи: усиливает психологическую глубину образа, вводит самоиронию и соотносит романтический идеал с реальной жизнью.

Ключевые слова: романтический герой, байронизм, национальное своеобразие, Лермонтов, Байрон, Печорин, русская литература XIX века.

XIX ASR RUS VA G‘ARBIY YEVROPA ADABIYOTIDA ROMANTIK QAHRAMONNING MILLIY O‘ZIGA XOSLIGI

Annotatsiya. Maqolada XIX asr rus va G‘arbiy Yevropa adabiyotidagi romantik qahramonning milliy jihatlari Jorj Gordon Bayron hamda M. Yu. Lermontov asarlari asosida tahlil qilinadi. Bayron qahramoni Yevropa romantik individualizmining an’anaviy timsoli bo‘lib, unda surgun, sir tutilgan ayb va metafizik qarshilik motivlari mujassam. “Zamonamiz qahramoni” romani, shuningdek, “Demon” va “Mtsiri” dostonlari orqali Lermontov Bayron an’anasini Nikolay I hukmronligi davri voqeligi asosida yangicha sharhlagani yoritiladi: u psixologik tahlilni teranlashtiradi, qahramonga o‘ziga nisbatan istehzoli munosabat beradi hamda romantik holatni real hayot bilan qiyoslaydi.

Kalit so'zlar: romantik qahramon, bayronizm, milliy o‘ziga xoslik, Lermontov, Bayron, Pechorin, XIX asr rus adabiyoti.

THE NATIONAL DISTINCTIVENESS OF THE ROMANTIC HERO IN RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article explores the national distinctiveness of the romantic hero in nineteenth-century Russian and Western European literature through the works of George Gordon Byron and Mikhail Lermontov. The Byronic protagonist is viewed as a canonical embodiment of European romantic individualism, marked by exile, concealed guilt, and metaphysical rebellion. Referring to *A Hero of Our Time* and the poems *The Demon* and *Mtsyri*, the study demonstrates how Lermontov adapts the Byronic tradition to the Nicholas I era: he intensifies psychological exploration, gives the hero self-irony, and confronts romantic posturing with ordinary life.

Keywords: romantic hero, Byronism, national specificity, Lermontov, Byron, Pechorin, Russian literature of the 19th century.

Введение. Романтический герой занимает важное место в литературе первой половины XIX столетия. Его появление связано с разочарованием в последствиях Великой французской революции и наполеоновских войн, прежняя вера в разум и общественный прогресс была поколеблена, а человек особенно остро осознал несоответствие между внутренними стремлениями и окружающей действительностью. Наиболее полно данный тип воплотился в произведениях Дж. Г. Байрона, герои которого Чайльд-Гарольд, Корсар и Манфред на многие десятилетия сформировали европейское представление о необыкновенной личности. В русской литературе Байрон воспринимался не только как зарубежный писатель, но и как ориентир для поэтов от Пушкина до Лермонтова. Сравнение творчества двух авторов позволяет проследить, каким образом общеевропейский образ героя преобразуется в национальной культурной среде. Цель статьи состоит в определении национального своеобразия романтического героя Лермонтова в сопоставлении с байроновской традицией.

Основная часть. Образ байроновского героя формировался постепенно.

Первым его воплощением стал Чайльд-Гарольд, молодой странник, утомлённый удовольствиями жизни, позднее появились персонажи восточных поэм, гордые разбойники и одинокие скитальцы. Завершают этот ряд титанические герои мистерий «Манфред» и «Каин». П. Торслев отмечал, что данный тип объединяет черты уже существовавших образов, готического злодея, благородного разбойника, фаустовского искателя и бунтаря, осмелившегося противостоять небесам [1]. М. Прац охарактеризовал близкий образ «рокового человека»- мрачного, высокомерного, окутанного тайной и привлекательного именно своей обречённостью. Основную формулу взаимоотношений такого героя с обществом Байрон выразил строкой: «I have not loved the world, nor the world me» «Я не любил мир, и мир не любил меня».

В основе байроновского героя лежит не социальное, а философское противостояние. Его протест направлен не против отдельной политической силы или сословных ограничений, а против законов бытия, власти рока и требования смирения. Так, Конрад из поэмы «Корсар», будучи преступником, не утрачивает нравственной сложности и внутреннего величия, в его характере соединены «одна добродетель и тысяча преступлений». Манфред также не признаёт над собой ничьей власти, в заключительной сцене он отвергает и духов, и священника, полагая, что лишь его собственное сознание вправе судить совершённое им [3]. Байрон переносит своих персонажей в необычные пространства на Восток, в Альпы, Италию, подчёркивая их оторванность от конкретной национальной среды. Сам поэт воспринимался современниками как подобный герой, он оставил Англию в 1816 году, а в 1824 году погиб в Миссолонги, участвуя в освободительной борьбе греков.

В русской литературе байронизм стал особенно популярным уже в 1820-е годы, однако почти сразу вызвал и критическую оценку. В романе «Евгений Онегин» Пушкин задаётся вопросом, не был ли его персонаж лишь «москвичом в Гарольдовом плаще», то есть человеком, перенявшим иностранную романтическую манеру, но не обладающим подлинной самобытностью [5]. Как отмечал В. М. Жирмунский, русские авторы воспринимали у Байрона не только отдельные темы и жанр романтической поэмы, но и особый взгляд на проблему личности, при этом они всегда изменяли заимствованное согласно собственным художественным задачам. Лермонтов обращается к этой традиции в начале 1830-х годов. В стихотворении «Нет, я не Байрон, я другой…» он одновременно подчёркивает близость к английскому поэту и утверждает своё отличие от него. Решающее значение имеют слова о «русской душе», поскольку именно она противопоставляется западноевропейскому образцу героя.

Различие между этими героями прежде всего связано с историческими условиями их эпох. Байрон создавал свои произведения тогда, когда европейская личность открыто противостояла Реставрации, поэтому его герой намеренно отстранялся от общества, руководствуясь чувством гордости. Поколение Лермонтова складывалось уже после разгрома декабристского движения, при николаевском режиме, который практически исключал возможность активной общественной деятельности. Это настроение выражено в стихотворении «Дума» 1838 года, «Печально я гляжу на наше поколенье!». Именно поэтому Печорин, в отличие от Конрада и Гарольда, не разрывает связи с обществом, а существует внутри него, испытывая мучительное чувство вынужденного бездействия. По его словам, он ощущает в себе «силы необъятные», однако не может найти им достойного применения. Неиспользованная энергия превращается в скуку, а затем в жестокие эксперименты над жизнью и чувствами других людей [7]. В. Г. Белинский определил Печорина как «Онегина нашего времени», тем самым указав, что этот персонаж является не подражанием европейскому герою, а продолжением русской традиции образов, обречённых на пассивность.

Важное различие проявляется и в построении повествования. В байроновских поэмах герой во многом остаётся непонятным, читателю доступны его манеры, поступки и отдельные намёки на прошлое, тогда как его внутренние переживания раскрыты неполно. Лермонтов выстраивает роман иначе, характер Печорина постепенно становится понятен благодаря взгляду странствующего офицера, непосредственному восприятию Максима Максимыча и записям самого персонажа в «Журнале». В предисловии писатель называет героя «портретом, составленным из пороков всего нашего поколения». Следовательно, исключительный романтический персонаж приобретает черты социально-психологического типа. Б. М. Эйхенбаум и В. А. Мануйлов, сопоставляя Лермонтова с европейским романтизмом, подчёркивали его творческую самостоятельность и поиск новых возможностей прозаической формы.

Существенной чертой лермонтовского героя становится ироничное отношение к самому себе. В повести «Княжна Мери» Грушницкий изображён как человек, который превращает романтизм во внешнюю манеру. То, что для байроновского персонажа являлось проявлением глубокого душевного конфликта, у него становится театральной игрой. Печорин характеризует таких людей как тех, кто «важно драпируется в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания». Дуэль разрушает созданный Грушницким образ и показывает отсутствие за его возвышенной речью настоящей воли и внутреннего содержания. Вместе с тем автор подвергает сомнению и самого Печорина. Герой признаёт собственную внутреннюю двойственность, один человек в нём живёт и поступает, другой наблюдает за ним и выносит оценку. В отличие от Манфреда, сохраняющего целостность даже в состоянии отчаяния, Печорин испытывает постоянное раздвоение. Его трагедия связана прежде всего с рефлексией, что подтверждают слова «люблю сомневаться во всём» [7].

Своеобразие лермонтовского романтизма заметно и в его поэмах. Над «Демоном» поэт работал почти десять лет, подготовив несколько вариантов произведения. В образе главного героя прослеживается связь с Манфредом и Люцифером из байроновского «Каина», это гордый изгнанник, не принимающий установленный

небесами порядок. Однако Байрон раскрывает подобное столкновение через философское размышление о свободе и сущности зла, тогда как Лермонтов переносит его в сферу любовной драмы. Чувство к Тамаре становится для Демона испытанием его бунтарской природы. Он надеется обрести через любовь душевное примирение, но губит девушку и в итоге вновь остаётся один.

Образ героя поэмы «Мцыри» ещё заметнее отличается от байроновской традиции. Он не принадлежит к аристократии, не выступает как философ и не несёт на себе вины, это юноша-послушник, лишённый имени и выросший в монастыре вдали от родных мест. Его стремление к протесту рождается не из внутренней порочности, а из естественной жажды воли «Я знал одной лишь думы власть, Одну- но пламенную страсть». Побег Мцыри напоминает судьбу героя байроновского «Шильонского узника», однако их поведение различно. Узник Байрона сохраняет достоинство в терпеливом страдании, а персонаж Лермонтова совершает активный поступок и погибает, борясь за свободу. Исследователи связывают этот образ с мотивами воли и тоски по родной земле, которые не находят прямого соответствия в творчестве английского поэта.

Результаты и обсуждение. Сопоставление позволяет увидеть ряд существенных закономерностей. Прежде всего они обусловлены социально-исторической природой рассматриваемых образов. Герой Байрона сформирован европейской эпохой революционных потрясений и Реставрации, поэтому его протест обращён против миропорядка как такового. Герой Лермонтова рождается в обстановке общественного застоя, и его драма заключается в отсутствии возможности проявить себя в действии. Для байроновского персонажа изгнание становится сознательным решением, тогда как у Лермонтова оно превращается в неизбежную судьбу. По этой причине данный мотив утрачивает героическое звучание и приобретает выраженный трагический характер.

Другая закономерность проявляется на жанровом уровне. Байрон чаще обращался к лиро-эпической поэме, где герой сохраняет загадочность и воспринимается через атмосферу тайны. Лермонтов вводит романтического персонажа в пространство социально-психологического романа, превращая его в предмет глубокого внутреннего исследования. В результате тайна героя сменяется его самоанализом. Именно на русской литературной почве формируется тип личности, который позднее получит развитие в прозе Тургенева и Достоевского это человек, страдающий не только от внешнего мира, но главным образом от противоречий, происходящих в его собственном сознании [2].

Нравственная трактовка героя также заметно различается у двух авторов. Байрон нередко наделяет своих персонажей особой привлекательностью именно через масштаб совершённого ими зла и вины. Лермонтов, напротив, снимает с романтического героя героический ореол. Печорин осознаёт, что причиняет боль Бэле, Мери и Максиму Максимычу, и характеризует себя как «нравственного калеку» [6]. Писатель не стремится ни оправдать, ни прямо осудить персонажа, однако показывает последствия его эгоистического отношения к людям. В этом выражается важная черта русской литературной традиции, внимание к нравственной ответственности личности и моральной цене индивидуализма.

Значимое различие связано и с темой родины. Байроновский герой отличается космополитизмом, он ощущает отчуждение в любом пространстве, а изгнание становится для него естественным состоянием. Персонажи Лермонтова, напротив, сохраняют глубокую связь с родной страной и испытывают тоску по ней, даже не принимая существующий общественный порядок. Не случайно в программном стихотворении понятие «русская душа» противопоставляется байроновскому одиночеству. Сочетание любви к родине с неприятием её устройства становится характерной особенностью русского романтического героя и во многом влияет на последующее развитие отечественной литературы [4].

При этом различие между двумя типами героя не исключает их внутренней близости. И байроновские, и лермонтовские персонажи испытывают недоверие к обществу, осознают собственную исключительность и не способны обрести душевный покой. Сам Лермонтов в своих стихотворениях сопоставлял личную судьбу с жизнью английского поэта. Поэтому точнее рассматривать их связь не как простое подражание или полемическое отрицание, а как творческое переосмысление. Лермонтов сохраняет основные вопросы романтизма, однако переносит их из сферы отвлечённого протеста в пространство конкретных исторических обстоятельств и глубокого психологического анализа.

Заключение Исследование подтверждает, что национальная специфика русского романтического героя возникает не вследствие отказа от европейского опыта, а благодаря его критическому творческому освоению. Герой Байрона выражает протест отдельной личности против мирового порядка и существует в отрыве от общества. Печорин, Демон и Мцыри, напротив, помещены в определённые исторические обстоятельства, связаны с национальной средой и осознают нравственные последствия своих поступков для других людей. У Лермонтова отличительными признаками романтического героя становятся рефлексия, самоирония и трагедия внутренней силы, которая не может найти достойного применения. Именно эти качества отделяют русский тип героя от его западноевропейского аналога.

Сопоставление творчества Байрона и Лермонтова показывает, что общий для Европы образ романтического героя в каждой национальной традиции приобретает особые черты. В русской литературе романтический протест сменяется пристальным исследованием внутреннего мира, а фигура одинокого изгнанника преобразуется в образ героя своего времени. Лермонтов не ограничился развитием байроновских идей, он создал предпосылки для становления социально-психологического романа. В этом состоит его важная роль в истории русской литературы.

Список использованной литературы

[1] Thorslev P. L. The Byronic Hero: Types and Prototypes. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962.
[2] Praz M. The Romantic Agony. – London: Oxford University Press, 1933.
[3] Byron G. G. The Complete Poetical Works / ed. by J. J. McGann. – Oxford: Clarendon Press, 1980–1993. – Vol. 1–7.
[4] Marchand L. A. Byron: A Biography. – New York: Knopf, 1957.
[5] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 5.
[6] Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. – Л.: Наука, 1978.
[7] Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. – Л.: Наука, 1979–1981.